ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Как оказалась возможной этнография переписи?

Валерий Тишков

Когда Корпорация Карнеги Нью-Йорка принимала окончательное решение о финансовой поддержке международного исследовательского проекта, посвященного изучению проблемы фиксации национальности и языка в ходе российской переписи населения 2002 г., то инициаторам проекта был задан вопрос: возможно ли реальное участие научного сообщества, а тем более – западных ученых, в данном мероприятии и может ли этот проект быть полезным для организации переписи и последующей интерпретации ее результатов? Наш ответ был в целом утвердительным.

Во-первых, мы исходили из того, что перепись, хотя и проводится государством, но является мероприятием общенационального значения, и общественность, в том числе и научное сообщество, не может пассивно ожидать ее результатов и должна внести свой вклад в обеспечение ее успеха. Опыт предыдущих отечественных и зарубежных переписей населения, в том числе недавно состоявшихся в ряде постсоветских государств, должны быть обобщены специалистами, мнение которых не могло не быть значимым для организаторов столь сложного мероприятия.

Во-вторых, мы полагали, что, при всех сложностях определения новой программы переписи в сильно изменившемся российском обществе и при ожидаемых политических дебатах вокруг вопросов о национальности и языке, международный проект не только не нанесет ущерба, но может принести пользу, если исследование будет проведено с соблюдением правовых и этических норм, а его результаты будут носить неполитизированный и открытый характер. Более того, мы были уверены, что именно наблюдение международной группы ученых за ходом переписи на всех ее этапах повысит ее легитимность в условиях, когда скептицизм и намеренные драматизации вокруг переписи оказались гораздо более сильными, чем этого можно было ожидать.

Наконец, перепись 2002 г. – первая, но, надеюсь, не последняя постсоветская перепись населения Российской Федерации. И опыт внешнего мониторинга (это никогда не делалось в СССР) может быть полезен при анализе ее итогов и уроков, а также при подготовке последующих переписей.

Могу сразу же сказать, что даже если нам и не удалось оказать решающее воздействие на саму программу переписи 2002 г. (т. е. формулировку вопросов о национальности и языке и способы учета и обработки материалов), все-таки состоявшиеся дискуссии были более чем полезны и выявили ряд фундаментальных проблем научного и общественно-политического характера. В любом случае состоявшийся мониторинг хода переписи в двадцати регионах страны дал один самый важный результат, по поводу которого сошлись во мнении все участники проекта, собравшиеся в Москве на рабочий симпозиум сразу после окончания переписи, 18–19 октября 2002 г. Этот общий вывод состоял в том, что важнейший этап переписи – опрос населения 9–16 октября – прошел гораздо более успешно, чем это изображали российские пресса и телевидение, а также некоторые общественные активисты и эксперты. Госкомстат, его региональные органы и местные службы статистики, а также огромная армия добровольцев-переписчиков проделали сложнейшую работу на достаточно профессиональном уровне и с должной ответственностью. Такое впечатление, что власти и общественность в самый последний момент, несмотря на откровенное противодействие переписи со стороны некоторых СМИ, смогли убедить население принять участие в опросе. Этот вывод очень важен для страны и для международного экспертного сообщества в контексте восприятия итогов переписи, публикация которых еще впереди.

Что позволило провести данный этап переписи в целом успешно, при всех издержках и даже ошибках?

Во-первых, сказался фактор всеобщей грамотности и еще не утраченной законопослушности населения России. Может быть, нашей стране еще далеко до Канады в организации всеобщих опросов населения, но отечественная ситуация выглядит гораздо благополучнее в сравнении с качеством переписных опросов в странах с более низким уровнем образования и с худшими социальными условиями. Конечно, провести перепись в Эстонии или в Латвии гораздо легче, чем в такой огромной по размерам и по численности населения стране, как Российская Федерация. Но вывод о том, что российская перепись прошла более качественно, чем в остальных постсоветских государствах, выглядит вполне обоснованным.

Во-вторых, сыграл свою роль фактор отечественного опыта проведения переписей, и тот же Госкомстат России, при всех справедливых и несправедливых критических высказываниях политиков и специалистов в его адрес, все же остается наиболее мощным коллективом статистиков в рамках бывшего СССР.

Задачи ученых и конкретно коллектива, который осуществляет данный научный проект, были достаточно амбициозными и во многом новаторскими. На первом этапе проекта силами российских специалистов был подготовлен том предпереписных аналитических докладов[1], который раскрывает динамику демографической и миграционной ситуации в ряде регионов, где уже десять лет работает неправительственная организация Сеть этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов, действующая при Институте этнологии и антропологии РАН. В этом же томе были освещены этнополитические процессы последних лет, которые неизбежно должны оказать влияние на результаты переписи в плане изменений этнического состава населения, а также были проанализированы основные дебаты по вопросам фиксации национальности, которые также не могли не сказаться на результатах опроса населения в ходе самой переписи.

Задача второго этапа – это изучение переписи как социально-культурного явления методами антропологического анализа, т. е. этнографическим методом включенного наблюдения. Такая попытка в столь масштабном варианте, насколько мне известно, в науке не предпринималась. Само понятие *этнография переписи* было новым даже для участников проекта. Как удалось провести такое исследование в достаточно сложной и временами драматической ситуации?

Помимо разработки содержания (протокола) мониторинга, что само по себе является не простой научной задачей, перед участниками исследования встали две важные проблемы. Первая – это вопрос о сотрудничестве с *организаторами переписи*, т. е. с российскими властями и статистическими службами, без чего провести мониторинг трудно, а в ряде регионов – фактически невозможно. Вторая – это контакт и отношения с *участниками переписи*, под которыми мы имеем в виду как опрашиваемых, т. е. население, так и исполнителей опроса, т. е. переписчиков и других работников переписных участков, а также местных статистических служб, отвечавших за перепись.

Отношения с организаторами переписи

Первая проблема не была решена нами должным образом по ряду причин. В порядке самокритики следует признать, что слишком большая вовлеченность Института этнологии и антропологии РАН и меня лично как директора в вопросы определения этнического состава населения в период подготовки переписи, сыграла определенную негативную роль. Недовольство руководства ряда республик (Татарстана и Дагестана) подготовленным ИЭА РАН списком возможных этниче-

[1] На пути к переписи. Под ред. В. А. Тишкова. М.: ОАО «Авиаиздат», 2003. 528 с.

ских самоназваний, которые встречаются в российских переписях, и списком национальностей, который предлагалось использовать для окончательного подведения итогов переписи, сказалось на позиции Госкомстата России в отношении нашего предложения дать согласие на осуществление данного проекта и тем более оказать ему содействие.

Следует учесть, что и сам Госкомстат пребывал перед переписью в чрезвычайно сложном положении: отсутствие своевременного финансирования подготовки переписи, неоднократные изменения формулировок вопросника до самого последнего момента, жестокая критика прессы и негативное отношение части населения к переписи – все это не могло не вызывать настороженного отношения к дополнительным инициативам, которые совсем не входили в обязанности тех, кому нужно было прежде всего провести перепись, а не выполнить исследование и опубликовать очередную книгу на данную тему.

Как человеку, который сам когда-то входил в состав правительства страны, мне были понятны эта озабоченность и часто встречающееся несовпадение интересов бюрократии и науки. Поэтому тот факт, что я неоднократно критиковал подготовку переписи, в частности, решение о добровольности участия в ней и устаревшие формулировки вопросов, отнюдь не означает, что я противник переписи как таковой. Многие журналисты и политики путали обязательство государства сохранять конфиденциальность собираемых личностных данных с анонимностью при проведении переписи (бесфамильные листы опроса), что, конечно, не одно и тоже. Точно так же порою путали критику переписи с выступлениями против переписи. Приведу только один пример.

8 октября первый канал пригласил меня в прайм-тайм в престижную студию в гостинице «Россия» с видом на Кремль, припася для меня «сюрприз» в лице В. Л. Соколина в основной студии в Останкино. Замысел ведущего состоял в столкновении противников и в очередном изобличении плохо работающей бюрократии. Кажется, ведущий был смущен, обнаружив совпадение наших позиций в отношении переписи и того, как журналистам следует себя вести накануне ее начала. Мы оба не могли не отметить, что главный выпуск вечерних новостей открылся сообщением об избитой переписчице во Владивостоке, где в тот момент уже началась перепись. У меня было такое ощущение, что российские СМИ пустили эту информацию в эфир без каких-либо колебаний. Между тем, она могла отрицательно повлиять на поведение сотен тысяч переписчиков по всей стране. Поэтому я и сказал ведущему передачи, что выступать против переписи может только антихрист, ибо, как известно, даже рождение Иисуса Христа было связано с проведением переписи.

Намеренно антипереписная драматизация чувствовалась в данном редакцией заголовке моего интервью, которое было опубликовано в

газете «Известия» за неделю до переписи под названием «Перепись на грани срыва». Хотя на самом деле в интервью шла речь совсем о другом: как уменьшить недоучет опрашиваемого населения. Чтобы была ясна моя позиция, скажу также, что в последние дни перед переписью мною было инициировано принятие Обращения Президиума Российской академии наук ко всем гражданам России с разъяснением важности переписи населения и с призывом принять участие в этом мероприятии. Этот документ был опубликован 11 октября в газете «Известия» и в других изданиях (см. Приложение, Документ 1).

Ошибкой с нашей стороны было незадолго до начала переписи обратиться напрямую к руководству ряда республик Северного Кавказа, куда, как известно, ограничен доступ иностранцев по причинам безопасности, с просьбой оказать содействие российским и зарубежным ученым в осуществлении мониторинга переписи. 20 сентября 2002 г. мною были направлены письма руководителям Республики Дагестан и Карачаево-Черкесской Республики. Это требовалось для получения российских виз троим французским коллегам и одному американцу. В описании задачи проекта упоминалась возможность контактов ученых с работниками переписных и инструкторских участков. Как и следовало ожидать, власти этих республик проинформировали Госкомстат о полученном за моей подписью запросе, и руководитель ведомства В. Л. Соколин направил всем руководителям территориальных органов Госкомстата России телеграмму, запрещающую региональным статистическим службам не только сотрудничать с нами, но и вообще позволять такое наблюдение (см. Приложение, Документ 2).

Здесь сказался недостаток разъяснений с нашей стороны, что мониторинг в том виде, как он был нами спланирован, никак не нарушал требования закона о соблюдении конфиденциальности в отношении сообщаемых во время опроса сведений и о запрете проводить вместе с переписью какие-либо другие опросы. Но при всей самокритичности не могу не сказать, что данная реакция центрального ведомства и региональных служб могла также определяться и другими соображениями, а именно – нежеланием иметь лишних соглядатаев во время проведения опроса, когда многое могло решаться и исполняться не только согласно принятым нормам и требованиям. Руководство ряда республик явно не желало внешних вмешательств не только со стороны российских и зарубежных ученых, но и даже со стороны федеральных органов власти, включая Госкомстат. Вскоре мною были получены ответные письма от президента КЧР В. Семенова (см. Приложение, Документ 3), председателя правительства КЧР А. Карданова (см. Приложение, Документ 4) и министра по национальной политике, информации и внешним связям Республики Дагестан М. Гусаева (см.

Приложение, Документ 5), которые содержали разные по форме, но в принципе определенно отрицательные ответы на нашу просьбу.

После получения информации о телеграмме Соколина и ответов из республик мною 2 октября 2002 г. было направлено письмо в Госкомстат России с информацией о проекте и с просьбой не препятствовать его осуществлению. Полученный через неделю ответ был достаточно определенным: иностранные граждане и иные лица, не связанные с проведением переписи, не могут посещать переписные, инструкторские и счетные участки (см. Приложение, Документ 6). До начала опроса оставалось четыре дня. В этой ситуации в какой-то момент мы вообще усомнились в возможности организации мониторинга в регионах не только зарубежными, но и российскими специалистами. Появилась опасность морально-политического и даже силового воздействия в отношении участников проекта со стороны властей, включая специальные службы. Некоторые местные участники проекта действительно получили жесткие предупреждения и соответствующие проработки, о чем я был извещен как руководитель проекта с российской стороны.

Однако уверенность в том, что проект осуществляется в благих целях и с соблюдением правовых норм, а также энтузиазм и преданность своему делу участников проекта (с российской стороны это были преимущественно члены Сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов) побудили нас к продолжению исследования даже в столь неблагоприятной политической ситуации, о чем я и проинформировал всех участников проекта.

Оставалась также надежда, что после окончания наблюдения и обнародования его результатов будет восстановлено взаимопонимание с представителями Госкомстата и другими противниками проекта. Мы надеемся, что публикация данной книги будет этому способствовать. Тем более что предстоит третий этап проекта – анализ итогов переписи.

Отношения с участниками переписи

Вторая важная проблема организации мониторинга переписи – это обеспечение результативных контактов с населением и с рядовыми организаторами и исполнителями опроса населения. Ясно, что осуществить запрет свыше на такие контакты было невозможно, хотя в некоторых регионах телеграмма Соколина была доведена до сведения всех межрайонных, городских, районных отделов статистики и их подразделений в городах и районах[2]. Но как сделать так, чтобы эти контакты

[2] Мы располагаем только одним документом этого рода: письмом по электронной почте председателя Госкомстата Республики Башкортостан А. М. Ганиева выше-

действительно осуществлялись без ущерба для проведения переписи и не доставили неприятностей ее организаторам? Какие были возможны прямые и косвенные методы наблюдения за тем, как проходит опрос?

На наше счастье, в институт поступила просьба от местных московских властей (Юго-Западный административный округ, на территории которого находится институт) оказать помощь в проведении переписи. Такие просьбы поступали и в другие учреждения. Но в данном случае обращавшиеся не знали, что академические этнологи занесены в список тех, кого допускать к переписи нельзя. Благодаря этому мы смогли обеспечить своими кадрами один из московских переписных участков и имели возможность наблюдать ход переписи изнутри. По нашему совету примерно так же поступили участники проекта в некоторых других регионах. Тем более что многие из специалистов уже участвовали в проведении предыдущих переписей населения и имели большой опыт и хорошие контакты с местными статистиками.

В целом эта проблема была решена нами достаточно успешно. Здесь заслуга прежде всего самих граждан и переписчиков, со стороны которых не было ожидаемой настороженности или страхов, нежелания поделиться своими наблюдениями и возникавшими в ходе работы проблемами. Очаровательная Вера Дергачева, студентка Института стали и сплавов, которая была переписчицей моей семьи и двух соседних домов, своей открытостью и разумностью могла порадовать любого этнографа, который знает цену хорошему информанту.

Однако самое важное – это установки и протокол: как себя вести и о чем спрашивать, что наблюдать и что анализировать? Руководители американской группы проекта Дэвид Кертцер и Доминик Арель предложили вариант этического кодекса для всех случаев контактов с участниками переписи. В адаптированном нами российском варианте инструкций участникам проекта эти вводные разъяснения выглядели следующим образом.

«До проведения интервью или наблюдения, мы должны попросить согласия у опрашиваемых (наблюдаемых) и сообщить им следующие сведения. Для категории лиц, вовлеченных в организацию переписи:

Мы, группа российских и зарубежных исследователей, изучаем проведение российской переписи 2002 г. Нас особенно интересует то, как менялись формулировки вопросов о национальности и языке, и мы надеемся, что Вы согласитесь обсудить с нами эти темы. Мы обещаем Вам без Вашего согласия не использовать Ваше имя или сведения, которые позволили бы Вас уз-

---

названным адресатам: «Госкомстат Республики Башкортостан доволит до Вашего сведения письмо председателя Госкомстата России Соколина от 21.09.2002 г. № ВС–08–32/4309. В соответствии с письмом прошу Вас **взять под личный контроль** [выделено в документе] и принять меры по недопущению обследований, указанных в письме» (Архив автора).

нать, в любых публикациях, которые станут результатом этого исследования, поскольку мы заинтересованы в откровенном разговоре на эти темы. Результатом этого проекта станет серия публикаций, описывающих, как формулировались вопросы о национальности и языке в переписи 2002 г., а также как и почему они были изменены по сравнению с предыдущими переписями. Разумеется, Вы вправе отказаться от участия в этом исследовании, или прекратить нашу беседу в любой момент.

Здесь необходимо получение устного согласия и заверение, что в данном случае мы ни при каких обстоятельствах не раскрываем имя респондента или сведения, позволяющие его/её идентифицировать:

Ваши ответы будут абсолютно анонимными, и мы не будем использовать чьих-либо имен в публикациях, которые появятся в результате исследования, или сведений, позволяющих идентифицировать опрашиваемых».

Поскольку о запрете осуществления мониторинга в его наиболее желательном варианте (с возможным наблюдением хода самого опроса переписчиками) нам стало известно за несколько дней до начала мониторинга, организаторы проекта рекомендовали альтернативные стратегии наблюдения для того, чтобы мониторинг переписи стал все же возможным. Одна из стратегий – «визит в гости» – предполагала возможность посещения друзей, коллег, соседей во время переписи. Поскольку переписчики сначала совершают предварительный (ориентировочно с 4 по 7 октября) обход для того, чтобы договориться с переписываемыми о времени опроса, то дата и время опроса могут быть известны им заранее. Было предложено оказаться «в гостях» несколько загодя, до прихода переписчика, и во время опроса вести наблюдение, фиксируя все, что касается вопросов о национальности, языке, миграциях и гражданстве.

Можно было также заранее договориться о некоторых «экспериментах» (или провести их на себе и членах своей семьи), когда опрашиваемый дает неожиданные, или «неправильные» ответы на некоторые вопросы. По инструкции переписчик должен записать любой из предложенных ответов, не требуя документальных подтверждений, и прибегать к разъяснению вопроса только по просьбе переписываемых. Будет ли переписчик брать на себя инициативу разъяснения при получении такого «неправильного» ответа? Будет ли он/а подсказывать «правильные» версии? Например, если кто-то назовет два гражданства; «москвич» или «сибиряк» в качестве национальности; «мордовский» (вместо эрзянского, или мокшанского), или еврейский (вместо идиша, татского, или иврита) в качестве родного языка и т. д.

Еще одна стратегия – это свободный поиск информации. В порядке предварительной подготовки к нему участникам проекта было реко-

мендовано заранее выяснить имена и контактные данные различных ключевых персон региона, так или иначе имеющих отношение к переписи (работников статорганов, журналистов, писавших на темы переписи, политиков, выступавших с заявлениями по поводу переписи, инструкторов, контролеров, переписчиков и т. д.), договориться с ними о беседе и провести интервью (опрос). Предлагалось также опросить своих друзей, коллег и соседей после того, как их посетили переписчики.

С учетом запрещающего письма Госкомстата было сформулировано предупреждение: «Не следует стремиться отыскать переписчиков, с которыми можно ходить по квартирам. Это действительно противозаконно и может вызвать нежелательный общественный резонанс и создать неприятности переписчикам. Нужно договориться с некоторыми из переписчиков, что в один из дней вы с ними побеседуете. Удобнее всего сделать это 13 октября – в воскресенье, когда нагрузка на переписчика мала, так как многие люди будут отсутствовать дома (дачи, сад, огород и т. д.). К этому времени переписчик уже отработает половину срока и получит достаточно полное представление о том, как идет перепись. В то же время, это еще не будет срок окончания переписи, когда нагрузка на переписчика максимально увеличится. Нужно учесть, что в первые дни после переписи, когда наступит время контрольной проверки и сдачи материалов, беседу с переписчиком проводить будет очень трудно. Договариваясь с переписчиком, нужно обязательно сказать, что *ни одна конкретная семья не станет предметом вашего обсуждения.* Разговор будет о том, как проходит перепись в целом, какие встречаются трудности, особенно в связи с вопросами о гражданстве, национальной принадлежности, языке. Вообще о желании населения отвечать на эти вопросы. Следует также предупредить, что в научной публикации имя переписчика и его переписной участок (только если он сам этого не захочет) указываться не будут.

В последний день переписи наименее загруженными будут начальники – контролеры и заведующие переписных участков. С ними можно поговорить 16 октября. Однако хорошо бы заранее договориться с несколькими людьми, которые согласны быть переписаны (это могут быть ваши знакомые) с тем, чтобы после того, как их перепишут, поговорить с ними о том, как прошла эта процедура и какие были трудности. Можно с этими людьми пообщаться и до переписи, узнав их настрой, мнение по поводу интересующих нас тем, не ориентируя их, однако, на то, какие ответы нужно давать переписчику».

Руководствуясь заявленными принципами полной открытости, мы разработали программу для осуществления наблюдения за ходом переписи, где самым подробным образом изложили задачи и методоло-

гию исследования (см. Приложение, Документ 7). Первый шаг в создании протокола (по терминологии западных коллег) был сделан группой американских участников проекта (Д. Горенбург и др.). Предложенная ими программа полевых наблюдений была переведена на русский язык, скорректирована и дополнена сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН, входящими в состав московской группы проекта (С. Соколовский, В. Степанов, В. Тишков, Е. Филиппова).

Это позволило скоординировать деятельность большого коллектива исследователей, обеспечить единство методики сбора информации и тем самым сделать сопоставимыми материалы, полученные более чем в 20 регионах страны, от Карелии до Алтая. Другое дело, что особенности ситуации на местах, индивидуальные инициативы и возможности участников проекта определили гораздо более широкий спектр микроподходов и конкретных действий, не нарушающих базовые принципы исследования.

Переписчик и вопрос о национальности

Участники проекта разработали несколько вопросов, касающихся собственно процедуры опроса. Прежде всего – о национальности самого переписчика. Почему она важна? Когда национальность переписчика и опрашиваемого совпадают, этот фактор не актуализируется и не мешает записать точный ответ. Однако такая ситуация складывается не всегда. Переписчик почти всегда имеет дело со сложным составом населения, и его собственная национальность обычно кажется ему более понятной и предпочтительной, даже если не имеется на этот счет никаких предписаний или собственной ангажированности. Так, например, в случае сомнений опрашиваемого – что записать: «украинец» или «русский» (при двойной идентичности и культурном багаже) русский переписчик, скорее всего, будет склонять опрашиваемого записаться русским. Возможны ситуации, когда переписчик фактически самостоятельно принимает решение, если опрашиваемый колеблется, не хочет отвечать или предлагает: «что хотите, то и пишите». Однако наиболее важны не эти ситуации.

Национальность переписчика – ключевой фактор в спорных или в политизированных ситуациях, а также при наличии административных или общественных установок на увеличение или уменьшение численности той или иной этнической общности. Такие ситуации в период переписи сложились почти во всех республиках, где представители каждой из основных групп были заинтересованы в более полном учете лиц своей национальности. Естественно, что и переписчики находи-

лись в этом поле воздействий. Русские переписчики желали более полного учета русских, а якутские или чувашские – якутов и чувашей, что, наверное, вполне естественно.

Помимо этих устремлений «снизу», которые создавали определенный психологический фон в работе переписчика, в ряде республик существовала гласная и негласная установка «сверху» увеличить в результате переписи долю «титульной» нации в республике. Чем меньше эта доля, тем сильнее желание и тем очевиднее установка в отношении переписи. Ясно, что адыгейцы, составляющие 23% населения в Адыгее (1989 г.) хотели бы исправить демографическую ситуацию в свою пользу. Точно так же настроены и другие группы и, конечно, власти, в тех республиках, где руководство принадлежит представителям «титульной» группы.

Этнонационализм как основа государство-устройства в части регионов России требует не только постоянной идеологической подпитки, но и своего рода фундаментальных аргументов: «это наша земля» или «здесь живет наш народ». Демографическое выражение национализма более чем необходимо. Там, где нет хотя бы половины, то и власть может уходить к «некоренным».

В тех республиках, где «титульных» групп две, да еще в смешанной среде (например, города), национальность переписчика также есть фактор в пользу одной из них – той, к которой принадлежит сам переписчик. Конечно, в сельских районах Кабардино-Балкарии или Карачаево-Черкесии переписчики почти всегда были из своей среды, и воздействие с их стороны могло быть минимальным. Но как обстояло дело в городах или в смешанных по составу селах? Этого в полной мере мы не знаем, и участники мониторинга пытались отследить ситуацию в этом ее аспекте.

Самый сложный случай – когда при отборе переписчиков отдавалось предпочтение лицам определенной национальности (например, башкирам в Башкирии или калмыкам в Калмыкии) или когда они набирались из числа студентов гуманитарных факультетов, где пропорция студентов из «коренных» явно завышена. Здесь долю переписчиков «нужной» для местного руководства национальности достаточно легко было обеспечить без особых манипуляций и внешне вполне законно: указание привлекать студентов вузов к проведению переписи было всеобщим по стране. Можно предположить, что среди уфимских переписчиков доля башкир была явно выше, чем их доля в населении города – но это потому, что их доля выше и среди студенчества. А это значит, что данный фактор работал в пользу записи горожан башкирами в тех случаях, когда у переписчика была возможность делать выбор.

Несмотря на сказанное, я исхожу из того, что процедура опроса строилась без явных нарушений, приписок и переписываний, а тем более без целевой агитации со стороны переписчика. Однако гарантировать отсутствие таких фактов, конечно, невозможно. И все же без доказанных случаев нарушений из-за действий переписчиков в пользу собственной национальности мне не хотелось бы обсуждать эту проблему. В текстах отчетов авторов данного труда кое-какие материалы на этот счет имеются.

Язык и манера опроса

Насколько нам известно, все вопросники переписи 2002 г. были напечатаны на государственном, т. е. на русском языке, что соответствует мировой практике и не представляет большой проблемы для населения России, которое почти поголовно знает и способно общаться на русском языке. Однако не все так просто. Во-первых, все же не все знают русский язык в той степени, чтобы ответить на вопросы анкеты: есть сельские жители в ряде республик (Дагестан, Тува, Хакасия, Якутия и другие), которые русский язык знают плохо или совсем его не знают. Не знают русского языка и некоторые недавние переселенцы в Россию и временные мигранты, а также иностранцы. Как решалась эта проблема в ходе опроса?

Здесь важен вопрос знания местных языков самими переписчиками и их способность и готовность перейти на предпочтительный для опрашиваемого язык, при этом обеспечивая достаточно адекватный перевод вопросов с русского языка на другой язык. В республиках и автономных округах могло быть достаточно большое число случаев, когда языком вопросника был русский, а языком опроса – другой язык (ненецкий, аварский, лезгинский, татарский, тувинский и т. п.). Как это сказалось на качестве опроса и полученных данных? Особенно это касается этнической идентификации, о которой мог заявить опрашиваемый на своем родном языке. Методический материал с перечнем возможных этнических самоназваний не включает всех вариантов самоназваний на родных языках. К тому же этот материал не был доступен переписчикам. Значит, как-то эта проблема решалась через совместное обсуждение переписчика и опрашиваемого. Или записывалось «как слышалось». Например, опрашиваемая сказала «я лачка», а переписчик записал национальность «ялачка». Такой случай действительно был в ходе переписи.

Не все варианты произношения этнонимов были зафиксированы в словарях самоназваний, подготовленных к переписи, да и вряд ли это

было возможно. Предполагалось, что переписчики запишут в анкетах любой из предложенных ответов на вопрос о национальности. Хорошо известно, однако, что люди существенно различаются по способности правильно слышать (т.н. фонематическому слуху), а так как языковая ситуация во многих регионах страны, в особенности в крупных городах сложна (только в языковом перечне переписи зафиксировано более 170 языков исключая иностранные), а осведомленность переписчиков о бытующих этнических самоназваниях весьма ограничена, то при фиксации незнакомых этнонимов с неизбежностью возникали ошибки.

Помимо этого стоит отметить, что ситуация с изученностью диалектной и говорной структуры множества местных языков остается неудовлетворительной, а это означает, что и нормы произношения слов (в том числе самоназваний) не стандартизованы и во многих случаях о них мало что известно. Например, в словаре самоназваний для кодировщиков приводится девять вариантов произношения этнонима «эвены» (эвен, овен, овон, ывын, эбэн, эвон, эвын, эвэн, эвэс), однако ареалы бытования этих вариантов остаются плохо изученными. Известно лишь, что все эти варианты произношения присутствовали и в прошлых советских переписях[3].

Те, кто смотрел первые телерепортажи в день начала переписи, хорошо запомнили, как переписывались президент В. Путин и его супруга. Здесь, казалось бы, все должно было быть идеально: хорошо подготовленная переписчица и хорошо подготовленные опрашиваемые. Но именно на этих идеальных случаях можно было заметить наиболее типичные проблемы самой деликатной и сложной процедуры в ходе всей переписи – это проведения процедуры опроса. Как спрашивает переписчик: точно как написано в вопроснике, или допускает вольности? Путина переписчица спросила: «Ваш родной язык?», чем вызвала удивление одних и радость других. Такого вопроса в переписном бланке не было, но в самый последний момент Госкомстат под внешним воздействием внес коррективу в инструкции для переписчиков: спрашивать о родном языке, и для русских ставить метку внизу (если это русский язык), а для других использовать первую строку из трех, отведенных для указания языков, которыми владеет опрашиваемый.

Вопрос заключается в том, сколько переписчиков не следовало этой дополнительной инструкции и ограничилось самим вопросником? По некоторым наблюдениям, таких случаев было достаточно, чтобы серьезно исказить результаты. Мы уже не говорим о том, что были испор-

[3] Из доклада С. В. Соколовского на семинаре по российской переписи 2002 г. «Ethnic Categorization in the Russian Census of 2002: classification as a mode of identity politics». (Watson Institute for International Studies, Providence, April 6–8, 2003).

чены и данные о владении языками, ибо первую линию ответов на вопрос 9.2 заняли ответы не о владении иным, кроме русского, языком, а о том, какой язык опрашиваемый считает своим родным. Учитывая общераспространенное понимание среди населения, это почти во всех случаях был язык, совпадающий с национальностью опрашиваемого.

«Какими иными языками владеете?», – спрашивали переписчики, но разъясняли ли они (и имели ли на это право или особые инструкции) в каком порядке следует перечислять эти языки: в случайно названном или по степени владения и пользования? Этот вопрос остался для нас не конца выясненным. Вообще как быть с разъяснениями в случаях с национальностью и владением языками? Если опрашиваемый назвался «татар» (это по-татарски) – так и записывать или переспросить: «а как это по-русски?» и получить ответ: «татарин»? Было ли единым поведение переписчиков в таких случаях? Наконец, если опрашиваемый затруднялся с ответом на какой-либо из вопросов, какими были разъяснения?

Разногласия нередко возникали между членами семьи (особенно в этнически смешанных семьях) при ответах на вопросы, касающиеся их детей: как определить их национальность и какой указать язык? Это довольно распространенная ситуация, в которой переписчику иногда приходилось выступать в роли арбитра.

Наиболее существенным был вопрос об общественно-политической атмосфере, которая сложилась в том или ином регионе в связи с переписью вокруг прежде всего вопроса о национальности. В ряде регионов дебаты приобрели исключительную остроту, и, казалось, не было ничего важнее, чем «записаться татарином» или «обозначить свое казачество». Об этом свидетельствуют письма руководителей субъектов федерации, особенно «национальных» республик, к президенту и премьер-министру РФ, постановления и обращения, принятые высшими органами власти республик (некоторые из этих документов читатель найдет в Приложении к вводной главе). Общественно-политическая ситуация вокруг переписи, которая сложилась в целом в России и в ряде республик, требует отдельного анализа, и этот анализ будет сделан нами позднее в ходе осуществления проекта.

Второй этап международного исследования «Идентичность и язык в российской переписи 2002 года» завершен. Институт этнологии и антропологии РАН и Сети этнологического мониторинга совместно с Уотсоновским институтом Браунского университета при участии группы специалистов из Франции представляют настоящим изданием его результаты.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Документ 1

ОБРАЩЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Уважаемые сограждане!

С 9 по 16 октября 2002 года проводится Всероссийская перепись населения, в ходе которой будут получены данные о современном состоянии нашей страны, числе ее жителей, социальной структуре нашего общества. Всероссийская перепись – важнейшая общегражданская акция, в которой заинтересованы все слои населения. Ее результаты необходимы всем гражданам, желающим больше знать о своей стране и ее людях.

Перепись позволит судить о возрастном, половом, семейном составе населения в любой точке России, всех населяющих ее народов. Из результатов переписи мы можем узнать, как распределено трудоспособное население по отраслям экономики, насколько мы образованны, каковы наши жилищные условия. С помощью переписи мы узнаем число не только постоянных жителей России, но и тех, кто временно пребывает в нашей стране, получая образование, работая на заводах, на стройках или занимаясь торговлей. Итоги переписи позволят понять, что нам надо исправить или переделать в нашем общем доме.

Основное условие успеха переписи – участие в ней всех жителей страны. Первая всеобщая перепись населения проводилась более 100 лет назад. Тогда, в крестьянской стране, люди не уклонялись от участия в переписи, дисциплинированно отвечали на вопросы переписчиков. Организованно проходили переписи в советское время.

Нынешняя перепись впервые будет проходить в новых условиях, когда значительно возросла значимость личной позиции каждого человека. Поэтому мы обращаемся к вам с призывом проявить большую личную ответственность перед обществом. Закон определяет участие в переписи как «общественную обязанность».

Мы обращаемся к работникам науки, образования и культуры, представители которых часто склонны видеть в переписи населения исключительно интерес «государственных чиновников» и на этом основании намерены уклониться от участия в этой акции. Если отбросить предвзятость, то именно интеллигент способен лучше других понять смысл общероссийской переписи и сделать все для ее успеха. Вспомним, что такие выдающиеся представители российской интеллигенции, как Л. Н. Толстой и Л. П. Чехов, придавали большое значение проведению переписи населения и сами участвовали в ее проведении.

Мы обращаемся к молодежи, которой предстоит сыграть огромную роль в проведении переписи. Сотни тысяч специально подготовленных людей, в первую очередь студентов, будут работать в качестве переписчиков. Перепись 2002 года является важной вехой для сегодняшних молодых людей. И в той взрослой жизни, которую они начинают, именно они и будут основными пользователями собранной при переписи информации.

Мы обращаемся ко всем гражданам России. Перепись населения нужна нам всем, и все должны принять в ней участие.

(Опубликовано в газете «Известия» 11 октября 2002 года.)

Документ 2

Государственный комитет Российской Федерации по статистике

Руководителям территориальных органов Госкомстата России

107450, Москва, Мясницкая, 39
21.09.2002 г. № ВС-08-32/4309

В Госкомстат России поступило сообщение о том, что Российской Академией Наук в рамках Соглашения о научном обмене между РАН и «Домом наук о человеке» (Франция) планируется в период проведения Всероссийской переписи населения 2002 года провести исследование на тему «Язык и национальность в переписи населения» в городах Ростове-на-Дону, Махачкале, Ставрополе, Черкесске, Барнауле, Горноалтайске, Уфе и Саратове. В рамках проведения этого мероприятия директор Института этнологии и антропологии РАН В. А. Тишков уже обратился к Президенту Карачаево-черкесской Республики В. М. Семенову с просьбой о проведении французскими учеными такого исследования с посещением переписных, инструкторских и счетных участков.

В соответствии со статьей 8 Федерального закона «О Всероссийской переписи населения» сведения о населении, содержащиеся в переписных листах, являются конфиденциальной информацией, не подлежат разглашению (распространению) и используются в целях формирования соответствующих федеральных информационных ресурсов. Эта же статья устанавливает, что все должностные и привлекаемые к проведению переписи населения лица, имеющие доступ к сведениям о населении, обязаны не разглашать конфиденциальную информацию, полученную в ходе проведения переписи населения, в противном случае они несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Кроме того, статья 9 указанного Федерального закона говорит о том, что к работе по сбору сведений о населении привлекаются только граждане Российской Федерации.

Посещение переписных, инструкторских и счетных участков, а также предоставление каких-либо персональных сведений о населении (а в период проведения переписи на участках находятся переписные листы с персональными сведениями) иностранным гражданам и иным лицам, не связанным с проведением Всероссийской переписи населения, нарушает вышеуказанные статьи Федерального закона. Об этом Госкомстат России проинформировал Президента Карачаево-Черкесской Республики В. М. Семенова, а также полномочных представителей Президента Российской Федерации в Южном, Приволжском и Сибирском федеральных округах.

Прошу всех руководителей территориальных органов Госкомстата России принять меры по недопущению проведения в период Всероссийской переписи населения 2002 года любого рода обследований и срочно сообщать о таких случаях Госкомстату России.

В. Л. Соколин

Документ 3

ПРЕЗИДЕНТ
КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ

369000, г. Черкесск, пл. Ленина, Дом правительства, телефон 5-40-11, факс (878-22) 5-29-80

19.09.02 г. Черкесск № 1871-01

Директору Института этнологии
и антропологии РАН
В.А.Тишкову.

Уважаемый Валерий Александрович!

Ваше предложение о проведении на территории Карачаево-Черкесской Республики научного исследования «Всероссийская перепись населения 2002: идентичность и язык» с участием французских ученых Од Мерлин и Жаном Радвани внимательно изучено.

Согласно статье 8 закона Российской Федерации «О Всероссийской переписи населения» сведения о населении, содержащиеся в переписных листах, являются конфиденциальной информацией, не подлежат разглашению (распространению) и используются в целях формирования федеральных информационных ресурсов.

Посещение иностранными учеными переписных, инструкторских и счетных участков, опрос сотрудников Государственного комитета Карачаево-Черкесской Республики по статистике в период проведения Всероссийской переписи населения с 9 по 16 октября 2002 года нецелесообразно.

Будем рады оказать прием и содействие в работе в любое другое удобное для исследователей время.

С уважением,
Президент Карачаево-Черкесской Республики В.М.Семенов

Документ 4

ПРАВИТЕЛЬСТВО КАРАЧАЕВО-ЧЕРКЕССКОЙ РЕСПУБЛИКИ
369000, г.Черкесск, пл.Ленина
Дом Правительства, тел. 5-40-91
Рас. счет 40202810400000100035 ИНН 0901006128
ГРКЦ НБ КЧР
БИК 049133001

ДИРЕКТОРУ ИНСТИТУТА ЭТНОЛОГИИ И АНТРОПОЛОГИИ РАН

ПРОФЕССОРУ, Д.И.Н. ТИШКОВУ В.А.

от 26.09.2002 № 1944-02.

на № _____ от _____

На Ваш запрос от 20.09.02 № 557 сообщаем, что в целях соблюдения прав человека во время переписи населения, гарантированных п. 2 ст. 1 Федерального Закона «О Всероссийской переписи населения», и необходимости соблюдения п. 2 ст. 8, гарантирующего конфиденциальность информации, получаемой во время переписи, пребывание посторонних лиц, не имеющих отношения к ВПН и подписку о неразглашении сведений, на переписных и инструкторских участках, как это предусмотрено програмой ученых, недопустимо.

Кроме того, п. 2 ст. 6 запрещает сбор дополнительных сведений о населении, не предусмотренных данным Законом.

В связи с этим, прием ученых и получение ими сведений не представляется возможным.

Председатель Правительства
Карачаево-Черкесской Республики А.Х. Карданов

Документ 5

РЕСПУБЛИКА ДАГЕСТАН

МИНИСТЕРСТВО

по национальной политике, информации и внешним связям

367005, г. Махачкала, пл. Ленина, 2. Тел.: (8722) 67-21-17, факс (8722) 68-17-00, E-mail: daginfo@datacom.ru

20 09 2002 г. № 1698-1-10

На № _____ от _____

Директору Института этнологии и антропологии РАН
ТИШКОВУ В.А.

На Ваш № 14110/4110 от 21.08.2002г

Уважаемый Валерий Александрович,

По поручению Правительства РД на Ваше письмо о возможности пребывания на территории Дагестана с 6 по 16 октября 2002г американского ученого Роберта Брюса Уэра для проведения исследований в рамках научного проекта «Всероссийская перепись населения 2002: идентичность и язык» сообщаем следующее.

Задачей проекта, указанной в письме, является изучение вопросов этнической идентификации и языкового поведения населения в ходе переписи населения. Особенности изучения данного вопроса на территории Дагестана приходятся на горные районы, где проведение переписи населения, намеченное Постановлением Правительства РФ № 321 от 12.04.2002г на август-сентябрь 2002г, уже завершено.

Учитывая позднее поступление Вашего письма, считаем пребывание американского ученого на территории республики в период проведения переписи населения по указанной Вами проблематике нецелесообразным. Если же ученый выразит желание посетить республику с целью ознакомления, добро пожаловать.

С уважением,
МИНИСТР **М.ГУСАЕВ**

Документ 6

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО СТАТИСТИКЕ
(ГОСКОМСТАТ РОССИИ)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ул. Мясницкая, 39, стр. 1, г. Москва, РОССИЯ, 107450
Тел.: (095) 207-49-02, факс: (095) 207-40-87
E-mail:stat@gks.ru

09.10.02 № ВС-08-22/4653

Директору Института
этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая
РАН

В.А.Тишкову

Уважаемый Валерий Александрович!

В связи с Вашим письмом от 02.10.2002 г. № 14110/2173 Госкомстат России сообщает, что в период проведения Всероссийской переписи населения недопустимо проведение каких-либо дополнительных исследований и сбор сведений, не предусмотренных в статье 6 Федерального закона «О Всероссийской переписи населения».

В соответствии со статьей 8 Федерального закона «О Всероссийской переписи населения» сведения о населении, содержащиеся в переписных листах, являются конфиденциальной информацией, не подлежат разглашению (распространению) и используются в целях формирования соответствующих федеральных информационных ресурсов. Эта же статья устанавливает, что все должностные и привлекаемые к проведению переписи населения лица, имеющие доступ к сведениям о населении, обязаны не разглашать конфиденциальную информацию, полученную в ходе проведения переписи населения, в противном случае они несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации. Кроме того, статья 9 указанного Федерального закона говорит о том, что к работе по сбору сведений о населении привлекаются только граждане Российской Федерации.

Посещение переписных, инструкторских и счетных участков, а также предоставление каких-либо персональных сведений о населении (а в период проведения переписи на участках находятся переписные листы с персональными сведениями) иностранным гражданам и иным лицам, не связанным с проведением Всероссийской переписи населения, нарушают вышеуказанные статьи Федерального закона.

С уважением,

В.Л.Соколин

Документ 7

Программа наблюдения за ходом подготовки и осуществления Всероссийской переписи населения-2002

Подготовка к переписи

Имела ли место в вашем регионе общественная дискуссия вокруг вопросов о языке и национальности? Кто в ней участвовал (политическое руководство, религиозные и общественные деятели, ученые, журналисты, лидеры НКА и этнокультурных организаций, мигрантских общин и т. п.). Были ли прямые обращения к населению или отдельным его группам (листовки, плакаты, выступления в СМИ). Призывы к бойкоту переписи? По возможности приложите образцы. Пытались ли власти (кто именно) использовать влияние этнокультурных или религиозных организаций на соответствующие этнические общины?

Механизм и принципы отбора переписного персонала. В частности, попытаться выяснить:

имели ли место этнические предпочтения или «запреты»;

есть ли дополнительный административный ресурс управления действиями переписчика со стороны инструкторов, заведующих и т. д. (например, подчиненность по основному месту работы /учебы)?

Особенности обучения переписчиков (касаются предпереписных тренингов и последующего взаимодействия с инструкторами); уровень образования переписчиков.

Были ли отклонения от письменной инструкции при объяснении того, как следует задавать вопросы о национальности, гражданстве и языке?

Какие вопросы возникали у переписчиков в связи с фиксацией национальности, гражданства и языка?

Содержание устного инструктажа во время предварительного обхода и характер записей в записной книжке переписчика (если таковые имеются).

Мониторинг опроса

1 Языки, на которых разговаривает переписчик. Готов ли переписчик перейти на язык, который более удобен переписываемому?

2 Как переписчики задают вопросы: спрашивают точно, как это написано? Поясняют ли смысл вопросов, когда их спрашивают или когда переписываемый их не понимает? Задают ли дополнительные (уточняющие) вопросы? Предлагают ли подсказки? Как справляются со случаями разногласий между членами семьи в ответах на вопросы, касающиеся их детей? Позволяют ли переписчики главе домохозяйства (семьи) отвечать за других членов семьи? За кого именно? Оказывают ли давление на переписываемых (под давлением следует понимать: тенденциозные подсказки с политической подоплекой в тех регионах, где переписи предшествовали политические кампании в пользу той или иной этнической группы; наводящие вопросы; отказ от фиксации предлагаемого ответа или определение ответа как «неверного»).

3. Имеет ли переписываемый возможность проверить точность записи его ответов?

4. Карандаш или ручку используют для заполнения вопросника?

5. Соблюдение каких пунктов инструкции вызвало затруднения?

6. Какие вопросы воспринимались населением неоднозначно? Были ли сомнения при определении: национальной принадлежности, гражданства, родного языка? Были ли подсказки со стороны членов семьи, самого переписчика? Были ли жалобы со стороны населения на действия переписчиков.

7. Пытаются ли неправительственные организации контролировать ход переписи или влиять на него (через своего рода параллельные переписи или обследования)?

Вопросы к переписчикам

Вопросы к переписчикам (главным образом по поводу блоков анкеты, относящихся к национальности, гражданству, языку, миграционному поведению)

должны касаться их личного участия в переписи и обучения в ходе предпереписного инструктажа. Переписчики могут встретиться с особыми случаями в ходе переписи, которые следует зафиксировать для последующего анализа и обсуждения. Независимо от того, как и где были получены сведения от переписчиков, должно иметься их согласие на данный разговор, и их фамилии не должны записываться (возможна фиксация имени или псевдонима).

Общие вопросы

1. Почему Вы решили стать переписчиком?
2. Расскажите о полученной подготовке к данной работе. Объяснили ли вам, какого рода информацию нужно получить по каждому вопросу? Есть ли вопросы, которые кажутся Вам странными? Что Вы получили от предпереписного тренинга?
3. С какими проблемами вы встретились в ходе переписи? (Отсутствие людей по указанным для посещения адресам; наличие заведомо большего количества людей, нежели предполагалось по тому или иному адресу; отказ людей беседовать с переписчиком; отказ отвечать на интересующие нас вопросы). Чувствуете ли Вы себя в безопасности во время опроса?
4. Были ли люди, которые не захотели участвовать в переписи? Кто эти люди? Почему, по Вашему мнению, они избегают переписчиков?
5. Что Вы считаете важным в ходе переписи и почему?

Вопрос о национальности

1. Возникали ли в ходе вашей работы ситуации, связанные с восприятием вас в качестве представителя определенной национальности (совпадающей или нет с национальностью опрашиваемых)? Какие это были ситуации? Оказало ли это какое-либо влияние на вашу работу в качестве переписчика? Были ли трудности в понимании вопроса о национальности? Как вы их разрешали? Приведите пример разъяснений, которые вы предлагали опрашиваемым?
2. Как часто у опрашиваемых возникали сомнения при определении национальной принадлежности (своей, членов семьи – в том числе детей). Были ли подсказки со стороны членов семьи, самого переписчика?
3. Были ли желающие записать себя россиянами? Как вы поступали в этом случае?
4. Были ли попытки записать двойную идентичность? Как вы действовали в таких случаях?
5. В каких случаях вам казалось излишним задавать вопрос о национальности и вы его не задавали?
6. Встречались ли вам попытки зафиксировать вместо этнической региональную, социальную, религиозную принадлежность? Приведите примеры. Что вы делали в таких случаях?
7. Получали ли Вы необычные ответы на вопрос о национальности? (пусть сам переписчик определит, что значит «необычный»).

Язык

1. На каких языках Вы говорите? Какими из этих языков Вы пользовались во время переписи?
2. Как Вы выбираете язык для проведения опроса? Вы встречали людей, которые не говорят ни на одном из языков, которым вы владеете? Ваши действия в таких случаях?
3. Как Вы задаете вопрос о родном языке? Как Вы понимаете, что такое родной язык? Может ли человек иметь два родных языка? Кто-нибудь хотел, чтобы вы записали больше, чем один родной язык?
4. Были ли случаи, когда люди затруднялись ответить на вопрос о родном языке? Опишите эти случаи. Может быть, иногда Вам казалось лишним задавать вопрос о родном языке?
5. Как Вы определяете, что человек свободно говорит на русском (или на других языках)? В некоторых местах переписчики проверяют знание языка. Делали это переписчики в вашем районе?